

СТАНИСЛАВ МИКОВ

**ПСИХОТЕРАПЕВТ
ДЛЯ ДРАКОНА**

Станислав Миков

Психотерапевт для дракона

<https://litres.ru/74598024>

Аннотация

Я думала, худшее в работе психотерапевта — клиент, который не признает проблему. Потом я провалилась в другой мир и оказалась в замке драконов, где готовят межгосударственную свадьбу века.

Магии у меня нет. Зато есть блокнот, профессиональная выдержка и привычка задавать вопросы, от которых даже древние лорды начинают нервничать.

Чтобы не стать закуской для местных чудовищ, я назвалась приглашенным специалистом по снятию предсвадебного стресса. И внезапно получила практику мечты: начальник стражи с военной травмой, гном-управляющий на грани срыва, рыцарь с синдромом самозванца и он.

Лорд Аркс. Властный, опасный дракон, привыкший решать проблемы огнем. Он пугает всех вокруг, но я слишком хорошо вижу: за его яростью прячется страх. И чем ближе я подбираюсь к его тайнам, тем труднее помнить о личных границах.

А потом жениха отравляют. Невеста исчезает. Замок запирают, гости лгут, а разъяренный Лорд готов сжечь всех, кто окажется виновен.

У меня есть 24 часа, чтобы найти преступника, остановить войну и не влюбиться в дракона, которому я вообще-то должна помочь.

Местная магия бессильна. Но у меня есть истории болезней. И я умею задавать правильные вопросы.

Содержание

Глава 1. Я не закуска, я — специалист!	5
Глава 2. Первая паническая атака (чужая)	25
Глава 3. Практика открыта	42
Глава 4. Спасение микроменеджера	59
Глава 5. Увядающие лозы и почетный статус	77
Глава 6. Синдром самозванца в сияющих доспехах	97
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Глава 1. Я не закуска, я — специалист!

Сначала исчез воздух. Плотный, пахнущий выхлопными газами и сыростью петербургский сквозняк сменился абсолютным вакуумом, выбившим из легких остатки кислорода. Ощущение падения сквозь вязкую, пульсирующую ледяными искрами темноту длилось ровно столько, чтобы вестибулярный аппарат сошел с ума. А потом гравитация вернулась. Грубо. Бескомпромиссно.

Удар о твердую поверхность вышиб из груди глухой хрип. Колени обожгло болью, ладони скользнули по чему-то гладкому, липкому и влажному. В ушах стоял пронзительный высокочастотный гул, сквозь который неохотно пробивались звуки: лязг бьющегося стекла, утробное рычание и треск рвущейся ткани.

Пахнуло озоном. Таким густым и резким, какой бывает за секунду до удара молнии прямо в темечко. К запаху электрического разряда примешивался тяжелый, тошнотворно-сладкий аромат ванильного крема, жженого сахара и... сырой звериной шерсти.

Я зажмурилась до цветных пятен, заставляя себя сделать вдох. Ребра отозвались тянущей болью, но остались целы. Прагматичная часть сознания, привыкшая раскладывать панические атаки пациентов на физиологические составляющие, монотонно фиксировала: пульс за сто сорок, дыхание поверхностное, а мир казался нерезким, почти размытым. Требовалось заземление. Найти пять предметов. Зафиксировать реальность.

Я медленно открыла глаза.

Реальность категорически отказывалась укладываться в рамки нормы. Пространство вокруг напоминало декорации к высокобюджетному театральному кошмару, пережившему локальное землетрясение. Колоссальный балльный зал со сводчатыми потолками оказался почти полностью разрушен. Тяжелые бархатные портьеры цвета запекшейся крови сорваны с массивных карнизов. Повсюду валялись осколки хрусталя, смятые серебряные кубки и раздавленные фрукты. Вдоль каменных стен, заляпанных чем-то подозрительно напоминающим розовую глазурь, равномерно чадили странные светильники — вмурованные в кладку изогнутые рожки, из которых вырывалось неровное, пульсирующее синеватое пламя. Никаких проводов. Только сгустки газа, шипящие в воздухе.

На обрывке чудом уцелевшего гобелена, свисающего с балкона второго яруса, золотыми нитями был вышит герб и витиеватая надпись: «Замок Амарант». Буквы почему-то складывались в понятные слова, хотя явно не имели ничего общего с кириллицей.

Звон в ушах наконец стих. На смену ему пришел оглушительный треск ломающегося дерева.

В десяти шагах от меня разворачивалась сцена, которая заставила самую глубинную часть меня закричать об опасности, но сознание уже сосредоточилось на анализе ситуации. Опрокинув длинный дубовый стол, покрытый некогда белоснежной скатертью, два существа ожесточенно делили территорию.

Первое существо дышало тяжело и сипло. Оно было огромным, закованным в подобие форменного кожаного доспеха. Жесткая шерсть пробивалась из-под разорванного воротника. Существо стояло в полуприседе, опираясь на руки с вытянутыми черными когтями. Налитые желтым светом глаза неотрывно следили за противником. Из полуоткрытой пасти, обнажающей влажные клыки, на каменный пол капала вязкая слюна вперемешку с остатками бисквита.

Напротив оборотня — мозг услужливо подкинул термин из поп-культуры, отказываясь верить глазам, — расставив короткие, массивные ноги, стоял низкорослый, но невероятно широкий в кости мужчина. Густая рыжая борода заплеталась в тугие косицы, в которые намертво влипли куски масляного крема. В мозолистых руках гном сжимал тяжелый двулезвийный топор, кромки которого тускло блестели.

Между ними, представляя собой эпицентр катастрофы, возвышались руины многоярусного торта. Вернее, того, что от него осталось. Верхний ярус с, судя по всему, фигурками молодоженов безжалостно растоптан тяжелым сапогом.

Оборотень издал низкий, вибрирующий в грудной клетке рык и сделал выпад, пытаясь зацепить когтями уцелевший кусок марципановой башни. Гном гортанно рявкнул, перехватил топор поудобнее и рубанул по каменному полу в сантиметре от мохнатой лапы. Высеченные искры брызнули в стороны.

— Моя смена! Мой паек! — прохрипел низкорослый, брызгая слюной.

— Стая берет свое, — глухо, ломано отозвался волк, и его мускулы под кожей бугрились, готовясь к прыжку.

Я сидела на холодном полу, прижимая ладони к испачканным коленям строгих брюк. Мелкая дрожь пробежала по телу. От драчунов тянуло концентрированным стрессом. Эту ауру невозможно перепутать — тяжелая, колючая вибрация паники, загнанности и чистого адреналина.

Так, ладно, кажется, у нас тут классический конфликт распределения ресурсов на фоне предсвадебного выгорания. Все по учебнику, но с элементами зоопарка.

Эта неуместная, спасительно-ироничная мысль шелкнула в голове, как затвор фотоаппарата. Профессиональная де-

формация — лучший бронезилет для психики. Я медленно втянула воздух носом, абстрагируясь от клыков и лезвий.

Взгляд автоматически начал сканировать участников конфликта. Оборотень. Плечи сгорблены, шерсть на загривке стоит дыбом, хвост поджат, дыхание прерывистое. Взгляд желтых глаз блуждал, не фокусируясь. Это не просто пищевая агрессия. Это глубокое, хроническое внутреннее напряжение. Классическая непроработанная агрессия, замешанная на ПТСР. Он ждет удара отовсюду. Он дезориентирован.

Гном. Пальцы до хруста впились в рукоять топора, кожа на костяшках побелела от напряжения. Челюсти стиснуты так, что желваки ходят ходуном. Движения резкие, дерганные. Гиперконтроль, помноженный на глубинную тревожность. Торт здесь ни при чем — гному требовалась иллюзия власти над творящимся вокруг хаосом.

Диагнозы выстраивались в голове стройными рядами, вытесняя первобытный страх. Я — Александра Олеговна Дубницкая. Я выводила из панических атак топ-менеджеров корпораций, переживших рейдерские захваты. Эти двое просто очень фактурные пациенты с плохим тайм-менеджментом.

Нужно уходить. Тихо, по стенке, пока они заняты угле-

водными разборками. Я сдвинулась на несколько сантиметров назад, стараясь не задеть осколки тарелки, и рука машинально нащупала в кармане пиджака твердый прямоугольник. Мой кожаный блокнот. Жив.

Скрежет когтей по камню заставил меня замереть. Оборотень резко повернул голову в мою сторону. Ноздри хищно раздулись, втягивая воздух. Глаза сфокусировались на мне, зрачки сузились до вертикальных щелей.

Я перестала дышать.

* * *

В бальном зале повисло тяжелое, давящее присутствие. Пламя в магических рожках на стенах дрогнуло, пригнулось, меняя цвет с синеватого на болотно-зеленый.

Хаос прекратился по щелчку невидимого тумблера. Оборотень, секунду назад готовый разорвать меня или гнома на куски, сдавленно заскулил. Его уши плотно прижались к черепу, когти со скрипом втянулись. Он неуклюже попятился, опускаясь почти на четвереньки, обнажая шею в жесте абсолютного, безоговорочного подчинения.

Гном выронил топор. Тяжелое лезвие с грохотом удари-

лось о камень, но низкорослый даже не вздрогнул. Он стянул с головы невидимую шапку и склонился в нелепом, ломаном поклоне, глядя исключительно себе под ноги.

В разрушенный зал вошла фигура.

Шагов не было слышно. Мужчина двигался с пугающей, текучей грацией высшего хищника. Строгий, безукоризненно скроенный камзол плотно облегал его широкие плечи. То, с каким абсолютным, парализующим ужасом оба драчуна вжались в пол, выдавало его статус лучше любой короны. Хозяин замка. Лорд.

Его хищное лицо отступало на второй план перед тяжелым, давящим взглядом. Нечеловеческим взглядом. Стоило ему скользнуть по руинам зала, как температура упала на несколько градусов. Подавленная ярость чувствовалась как электричество в воздухе. Эта ярость была холодной, контролируемой, тысячелетней.

Фигура остановилась в центре погрома. Мой мозг, отчаянно спасаясь от паники, продолжал цепляться за спасительную терминологию: не монстры — просто проблемные субъекты, не смертельная угроза — просто острый конфликт. Золотые глаза лорда медленно перевели фокус с раздавленного торта на сжавшегося стражника, затем на гнома. И, наконец,

остановились на мне.

Я сидела на полу, заляпанная розовым кремом и пылью. В груди разливалась леденящая тяжесть, будто дыхание застряло где-то в солнечном сплетении. Тело требовало замереть, слиться с пылью, стать невидимой. Взгляд незнакомца прошивал насквозь, препарируя, оценивая уровень угрозы. И, судя по равнодушному презрению в золотых радужках, угрозы во мне было меньше, чем в раздавленной марципановой фигурке.

Убьет. Просто потому, что я здесь лишняя деталь в его идеальном хаосе.

Эта ясная мысль сработала как дефибриллятор. Жалость к себе испарилась. Адреналин ударил по нервным окончаниям, мгновенно проясняя разум. Статус. Мне нужен статус. Жертв едят. Шпионов пытаются. Специалистов — нанимают.

Я уперлась ладонями в каменный пол и медленно, без резких движений, поднялась на ноги. Колени дрожали, но я заставила себя выпрямить спину. Привычным жестом одернула лацканы пиджака, словно поправляла невидимую броню. Стряхнула крошку с рукава. Подняла подбородок, встречая этот давящий золотой взгляд.

Никакого страха. Только профессиональная оценка.

— Я — консультант по тонким материям и снятию предсвадебного стресса со стороны жениха, — голос прозвучал ровно, с легкой академической сухостью, которой я всегда отгораживалась от истерик клиентов.

В зале повисла абсолютная тишина. Гном издал звук, похожий на предсмертный ик. Оборотень перестал дышать.

Мужчина в темном камзоле не шелохнулся, его суровое лицо оставалось бесстрастным. Лишь золотые глаза чуть сузились, изучая меня с новым, едва уловимым интересом.

Взгляд скользнул по моей странной одежде, по грязным рукам, по бледному лицу и снова вернулся к глазам. Он не моргал.

— Что ты здесь делаешь, шпионка? — голос оказался под стать внешности. Низкий, бархатный баритон с вибрирующими металлическими нотками. Каждое слово падало в тишину тяжело, как свинцовая монета.

— Вы невнимательно слушаете, — я позволила себе легкий, усталый вздох. Игнорирование обвинения — лучшая защита. — Я приглашенный специалист. Терапия стресса, урегулирование конфликтных ситуаций, контейнирование эмоциональных всплесков. Учитывая, — я выразительно обвела рукой разгромленный зал, живописного оборотня и помятого гнома, — общую атмосферу предсвадебного невроза и явный кризис логистики, мое присутствие здесь крайне своевременно.

Лорд — а то, что это хозяин замка, не вызывало сомнений, — чуть склонил голову набок. Его аура, колючая и подавляющая, прощупывала мою защиту. Я держала зрительный контакт, мысленно повторяя таблицу умножения, чтобы не отвести взгляд. Прогнешься — съедят.

В его глазах мелькнула рациональная мысль. Убить стран-

ную девицу в нелепом костюме он успеет всегда. Но если она действительно прислана от жениха, то дипломатический скандал накануне бракосочетания ему явно не нужен. Холодный расчет перевесил инстинкты хищника.

Он плавно отвернулся от меня, теряя интерес с такой же скоростью, с какой его приобрел.

— Изолировать ее, — приказ прозвучал сухо, без единой эмоции. Он небрежно указал на меня длинным пальцем в черной перчатке и бросил взгляд на сжавшегося мохнатого стражника. — Гаррет, сопроводи ее. Головой отвечаешь.

Имя повисло в воздухе. Оборотень — Гаррет — торопливо кивнул, поднимаясь с колен. В его глазах пищевой интерес сменился мрачной настороженностью.

Лорд развернулся и покинул зал той же бесшумной походкой, оставив нас разбираться с последствиями своего явления.

Гаррет тяжело шагнул в мою сторону. Шерсть на его загривке все еще топорщилась.

— Идем, — глухо рыкнул он, кивнув в сторону темного зева коридора. — Без фокусов, человек.

Я молча поправила пиджак и шагнула в полумрак чужого мира.

* * *

Мы шли долго. Шаги Гаррета отдавались гулким эхом в бесконечных, извилистых коридорах замка. Я старалась дышать ровно, концентрируясь на ритме ходьбы. Левой-правой. Вдох-выдох.

Замок Амарант изнутри оказался монументален и мрачен, без изящных фресок или золотой лепнины. Суровая, циклопическая кладка из темно-серого камня, впитывающего свет. Стены украшали не картины, а тускло поблескивающее старое оружие, щиты с выцветшими гербами и гобелены со сценами охоты на существ, которых лучше не встречать в темном переулке.

Освещение обеспечивали все те же странные рожки. Возле каждого витал легкий запах газа и горелого озона. Архитектура отдавала тяжеловесной Викторианской эпохой, пропущенной через призму военной крепости. Высокие узкие двери, массивные дубовые панели. Никакого электричества. Никакого пластика.

Спина Гаррета, маячившая впереди, напряженно бугрилась под кожаными ремнями. От него разило страхом, смешанным с потом. Он шел аккуратно, но твердо, не оглядываясь, словно чувствовал мои шаги затылком.

Наконец он остановился перед массивной дверью из темного дерева в конце слепого коридора. Щелкнул тяжелый кованый замок. Оборотень толкнул створку, открывая проход.

— Внутрь, — коротко бросил он, не глядя мне в глаза.

Я переступила порог. Комната оказалась просторной, но давящей. Стены обшиты темным красным деревом. В центре стояла громоздкая кровать с тяжелым бархатным балдахин, рядом — массивный письменный стол с керосиновой или магической лампой, тускло освещавшей стопку чистой бумаги. Шкаф-монстр в углу.

Окон не было. Ни единого. Только узкие вентиляционные решетки под самым потолком. Классический каменный мешок для высокопоставленных пленников.

Я медленно обернулась. Гаррет занял пост у входа. Он замер, расставив ноги на ширине плеч, скрестив массивные руки на груди. Лицо оставалось непроницаемым, но глаза светились в полумраке коридора тревожным светом. Стороже-

вой пес.

— Ужин принесут позже, — рыкнул он.

Дверь с глухим стуком захлопнулась. Лязгнул тяжелый засов снаружи.

Я осталась одна.

Тишина придавила к полу. Лязг дверного засова пробил брешь в профессиональном самоконтроле.

Ноги внезапно ослабли. Я привалилась спиной к деревянной панели и медленно сползла на пол. Воздух в комнате казался спертым, пропитанным запахом старого воска и пыли. Дышать стало тяжело.

Другой мир. Магия. Оборотни. Мужчина с золотыми глазами рептилии, который мог убить меня одним движением брови. Я заперта в замке, где вместо охранников монстры с ПТСР делят свадебные торты. У меня нет паспорта, нет телефона, нет обратного билета. Меня посчитали то ли шпионкой, то ли полезным идиотом, и если завтра мой блеф вскроется — меня скормят тому гному с топором.

Дыхание сбилось, стало поверхностным. Пальцы онемели,

их закололо иголками. Начинаясь классическая паническая атака.

Нет. Нельзя. Только не сейчас.

Я до боли прикусила внутреннюю сторону щеки. Вкус собственной крови немного отрезвил. Заземление. Пять вещей, которые я могу потрогать. Ковер. Жесткий, колючий. Дереву двери. Холодное, шершавое. Ткань пиджака. Гладкая пуговица.

И блокнот.

Закоченевшими пальцами я вытащила из кармана свой рабочий инструмент. Старая, потертая кожа обложки, хранящая тепло рук. В петле сбоку торчал простой графитовый карандаш. Запах целлюлозы и типографской краски. Кусочек моего мира. Мой якорь.

Я раскрыла блокнот на чистой странице. Грифель коснулся шероховатой бумаги.

Писать. Фиксировать. Анализировать. Пока мозг занят структурированием информации, лимбическая система не сможет запустить полномасштабную истерику.

«Замок Амарант, — быстро вывела я, стараясь унять дрожь в почерке. — Предварительная оценка психологического климата.

Пациент №1 (Охранник у двери, Гаррет): Ярко выраженный посттравматический синдром. Поведенческие паттерны: гипербдительность, пищевая агрессия, неконтролируемые вспышки гнева. Требуется: дыхательные техники, снижение уровня триггеров в среде.

Пациент №2 (Лорд): Авторитарный тип личности. Подавление эмоций через тотальный контроль. Скрытая тревожность, компенсируемая агрессивным доминированием. Хроническое напряжение».

С каждой написанной строчкой дыхание выравнивалось. Буквы становились ровнее. Абсурдность ситуации переплавлялась в сухой клинический текст.

Я обвела карандашом слово «контроль».

Они больше, сильнее и могут разорвать меня голыми руками. Магия лечит их кости, но, судя по тому, что я видела в бальном зале, абсолютно бессильна перед их невротами. Они живут с этими травмами столетиями.

А я умею это чинить.

Моя уязвимость — физическая хрупкость. Моя суперсила — эмпатия и знание того, как работают шестеренки в голове. Если этот замок разваливается от предсвадебного выгорания и нервных срывов, я стану тем клеем, который соберет его воедино. Потому что иначе я здесь просто не выживу.

Я захлопнула блокнот. Звук получился хлестким, уверенным. Страх никуда не делся, но хотя бы перестал парализовать мышцы.

Из испуганной попаданки, размазывающей слезы по дверному косяку, я снова стала Александрой Олеговной Дубницкой. Специалистом.

Я поднялась с пола, отряхнула брюки и бросила взгляд на закрытую дверь, за которой стоял мой первый пациент. Завтра будет долгий день. И начнем мы его с проработки чужих границ.

Глава 2. Первая паническая атака (чужая)

Грифель царапал плотную бумагу с сухим, шелестящим звуком. Этот ритм успокаивал. Длинная петля буквы «в», жесткий росчерк «т», точка. Абзац.

Я сидела на полу, скрестив ноги, привалившись спиной к массивной ножке кровати. В тусклом свете странной лампы тени по углам комнаты казались густыми, почти осязаемыми, словно комки грязной шерсти. Тишина давила на барабанные перепонки. Слишком плотная. Неестественная. В ней растворились шаги хозяина замка, лязг оружия стражи, обрывки криков с нижних этажей.

Осталось только мое собственное поверхностное дыхание.

Заперта. В чужом мире. С сомнительным статусом спасительницы чужих нервных систем. Я обвела карандашом слово «контроль» еще раз. Бумага чуть не прорвалась.

Тяжелые бархатные портьеры наглухо закрывали глухую

стену. В медном, потемневшем от времени рожке тлел тусклый магический огонек — неровный, отдающий легкой синевой, словно лунный свет. Этот свет отбрасывал на каменные стены причудливые вытянутые силуэты, заставляя воображение дорисовывать жуткие морды там, где была лишь неровная кладка. Воздух в комнате сперся от многовековой пыли и въевшегося в камни замка Амарант запаха хвои и плавленного воска. Здесь витал тяжелый дух местной викторианщины.

Я попыталась выровнять сбившееся дыхание. В Питере, в моем светлом кабинете с эргономичными креслами и абстрактными картинами на стенах, я всегда учила клиентов возвращать контроль через осознанность тела. «Почувствуйте опору под ногами, примите позу, выражающую устойчивость», — говорила я хорошо поставленным, бархатным голосом. Легко раздавать такие советы, когда под тобой не ледяной камень неизвестного мира, а за дверью не маячит оборотень, чью напряженную вибрацию я, кажется, ощущала сквозь толстые дубовые доски.

Профессиональная деформация работала как первоклассная анестезия. Мозг отказывался обрабатывать факт существования магии, клыков и других измерений, предпочитая упаковывать всё это в привычные клинические рамки. Оборотни? Нет, просто субъекты с повышенным гормональным

фоном и нетипичной физиологией. Драконы-лорды? Авторитарные руководители с синдромом гиперопеки.

Всё поддается анализу. Если есть психика — есть уязвимости.

Иллюзия безопасности треснула через минуту.

Воздух потяжелел. Температура в комнате резко упала, волосы на руках встали дыбом от статического электричества. В нос ударил сильный запах озона, к которому примешивался тяжелый мускусный дух звериного пота.

Снаружи, за толстой дубовой створкой, раздался звук. Низкий. Утробный.

Вибрация прошла по каменному полу, передалась через дерево кровати прямо мне в позвоночник. Я замерла, не донеся карандаш до страницы.

Скрежет когтей по камню. Сдавленный, булькающий хрип. Тяжелый удар в дверь — от которого задрожали металлические петли. Засов лязгнул, принимая на себя вес огромного тела.

Трансформация.

По судорожному, рваному дыханию и звуку рвущейся кожи я понимала: мой конвоир, оставленный охранять дверь, стремительно терял контроль над собой. Наплыв гостей, хаос подготовки, конфликт в бальном зале, давящая аура его хозяина — всё это спрессовалось в один тугой комок триггеров. Химическая реакция стресса запустила процесс, который местные наверняка называли каким-нибудь пафосным термином вроде «приступа темной маны» или одержимостью «демоном ярости».

Судя по звукам, для меня это была классическая паническая атака, помноженная на ПТСР. Только вместо гипервентиляции и слез этот субъект сейчас обрастет шерстью, выломает дверь и разорвет меня на сотню аккуратных кусочков в состоянии аффекта.

Мой внутренний супервизор монотонно, словно зачитывая лекцию студентам, диктовал список симптомов: тахикардия, дезориентация, острая дереализация, вызванная запредельным уровнем стресса. Я живо представила, как эта мощная, привыкшая к муштре и дисциплине фигура прямо сейчас теряет последние остатки рационального контроля, уступая место чистой, первобытной лимбической системе. В классической психиатрии с таким уровнем аффекта справляются медикаментозно. Тяжелые транквилизаторы, фикса-

ция и изоляция. У меня же не было даже захудалого бумажного пакета для нормализации дыхания, не говоря уже о га-лоперидоле.

А физика этого мира явно играла против меня. Магия здесь, как я уже успела понять, была идеальной для ремонта плоти — раны у этих существ наверняка затягивались на глазах. Но перед ментальным срывом, перед тем, что они пафосно именовали «темной маной», их местная система была абсолютно беспомощна. Скорее всего, они лечили такие приступы средневековыми методами: кровопусканием, кандалами или ударом меча милосердия. Никто не пытался работать с причиной. И сейчас эта невылеченная, многолетняя причина ломилась в дубовую дверь.

Желудок скрутило спазмом. Инстинкт самосохранения требовал забиться под кровать, вжать голову в плечи и притвориться мертвой. Бежать некуда. Каменный мешок.

Новое хриплое дыхание за дверью. Звук рвущейся ткани. Когти царапнули дуб уже выше, где-то на уровне моего лица. Он вставал на задние лапы.

Паника — заразная штука. Она передается через запахи, феромоны, микровибрации. Я чувствовала его ужас перед потерей контроля. Оборотень сам до смерти боялся того, что

сейчас с ним произойдет.

Я закрыла блокнот. Сунула его в карман пиджака.

Вот она, цена за выживание. Контейнировать чужой приступ темной маны, когда мышцы сводит ледяным спазмом, а ногти до побеления впиваются в ладони. Я медленно вдохнула через нос, считая до четырех. Выдохнула через рот на восемь. Еще раз.

Он ведь просто травмированный солдат. Да, с клыками размером с мой указательный палец. Да, способный перекусить мне позвоночник. Но его демон ярости — это просто защитный механизм. Недополученное отцовское одобрение, жестокая муштра, страх наказания. Всё по учебнику.

Я оторвалась от кровати. Пол ледяной, ноги ватные. Шаг. Еще шаг.

* * *

Вблизи дверь казалась еще массивнее. В щель между неровно подогнанными досками пробивался тусклый свет из коридора. Оттуда тянуло жаром. Настоящим, физическим жаром, словно там стояла раскаленная печь.

Удар. Мое плечо рефлекторно дернулось назад. Дерево застонало.

— Р-р-р-а-а-а... — звук булькал в горле существа, захлебываясь в собственной слюне.

Я прижалась лбом к холодному кованому узору замка, смещая лицо вбок, пытаюсь заглянуть в узкую щель.

Желтый, налитой кровью глаз пульсировал в сантиметре от меня, зрачок расширился, почти полностью поглотив радужку. Взгляд был слепым. Сознание Гаррета сейчас прокручивало поле боя, кровь и старые травмы.

— Гаррет, — голос прозвучал тихо, но твердо. Без вопросительных интонаций и жалости.

За дверью раздался рык. Инстинктивное отторжение чужого голоса.

— Гаррет. Я здесь. Слышишь меня?

Скрежет когтей остановился на долю секунды. Ухо уловило тембр. Я вцепилась пальцами в лацканы пиджака, заставляя себя стоять прямо, хотя колени умоляли подогнуться.

— Демон... рвет... уходи... — слова выдавливались с болью, перемалываемые трансформирующей челюстью.

— Никакого демона нет. Есть только твой страх, Гаррет. И мы сейчас его остановим.

Хриплый вой. Тело снова ударилось о дверь, заставив меня отшатнуться, но я тут же вернулась к щели. Жар усилился. Озон стал невыносимым, разъедая слизистую носа.

— Дыши. Сосредоточься на моем голосе.

Я говорила ровно, встраивая ритм слов в его прерывистое дыхание. Привычный рабочий протокол.

— Назови пять предметов синего цвета в том коридоре. Прямо сейчас.

— Кр-р-ровь... — выдохнул он, и щель заволкло горячим влажным паром от его пасти.

— Нет. Я сказала — пять предметов синего цвета. Ищи. Глазами.

Молчание. Только тяжелый, сипящий вдох. Сознание зверя билось в ловушке инстинктов, пытаюсь уцепиться за спа-

сательный круг рациональной задачи. Когнитивная нагрузка против лимбической системы. Давай, парень, ты сможешь. У тебя развиты лобные доли, я знаю.

— Ищи синий цвет, Гаррет. Что ты видишь? — я понизила голос до доверительного шепота, убирая приказной тон, оставляя только поддержку.

За дверью послышалось тяжелое шарканье. Он оторвался от дерева. Когти лязгнули по камню пола, словно он пытался устоять на ногах.

— Ч-чернильница... на... на столике... — голос ломался, переходя на рык, но это были человеческие слова.

— Отлично. Один. Дальше.

Он замолчал. Дыхание стало еще более рваным. Тело за дверью сотрясала крупная дрожь — я слышала, как бьется о камень его кожаная амуниция. Трансформация требовала выхода энергии, мышцы сводило судорогой.

— Не закрывай глаза. Ищи синий.

— Узор... край ковра... здесь... в углу...

— Два. Молодец. Ты справляешься. Третий предмет.

В воздухе повисла пауза, и запах озона перестал сгущаться, замер на пике.

— Моя... фор-р-рменная повязка. На плече.

Слово далось ему с огромным трудом. Хруст костей, который я явственно различала еще минуту назад, прекратился. Зверь внутри споткнулся о простую необходимость классифицировать цвета.

— Три. Осталось два, Гаррет. Посмотри наверх. Посмотри на стены. Что горит синим?

Я помнила эти светильники в разрушенном зале и в коридорах.

— Пламя... в рожке. Газ.

— Четыре. Идеально. И последний. Самый важный.

Тишина затянулась. В горле гулко пульсировала кровь. Жар от щели начал медленно спадать. Глаз по ту сторону двери моргнул. Желтизна чуть потускнела, зрачок начал возвращаться к нормальным человеческим пропорциям.

Он судорожно втянул воздух.

— Вены. На моих руках.

— Пять.

Я выдохнула это слово вместе с ним.

* * *

Ритм чужого дыхания выровнялся. Хрип ушел, сменившись тяжелым, глубоким кашлем курильщика, выбросившего последнюю пачку. Запах надвигающейся грозы рассеялся, оставив после себя лишь горьковатый привкус жженой пыли и кислого пота.

Тело по ту сторону двери тяжело осело. Звук сползающей по дубовым доскам кожаной брони. Глухой удар о каменный пол. Он сидел там, привалившись спиной к створке, и просто дышал.

Трансформация остановилась.

Адреналин резко отхлынул. Ноги подкосились. Я сползла вниз по двери, отзеркаливая позу своего невольного пациен-

та. Затылок стукнулся о дерево.

Мир перед глазами слегка поплыл. Руки колотила мелкая, противная дрожь, пальцы не сгибались. Холодный пот ледяными струйками тек по спине под рубашкой. Накатила тошнота — верный признак того, что симпатическая нервная система отключает режим выживания и передает управление парасимпатической.

Я сидела на полу каменного мешка в ином измерении, прижимаясь спиной к куску дерева, за которым сидел монстр. Монстр, которого я только что остановила словами.

Опустошение было абсолютным. Будто из меня выкачали пару литров крови. Психотерапия — это всегда обмен энергией. Ты забираешь чужой хаос и отдаешь свою структуру. Но здесь, в этом мире, насыщенном магией и чужими вибрациями, этот процесс ощущался на физическом уровне. Моя эмпатия сработала как губка, впитав его темную ману, его ужас.

Легкие горели от острой нехватки кислорода. Густой запах озона медленно рассеивался, уступая место привычному для этого каменного мешка аромату воска и сырости, но в носоглотке все еще стоял горьковатый, металлический привкус чужого зашкаливающего адреналина. В терапии есть

опасное понятие «слияния». Это когда границы между специалистом и клиентом истончаются настолько, что ты начинаешь физически проживать его боль и панику. Здесь, в мире, где эмоции буквально материализуются в воздухе искрами и когтями, это эмпатическое слияние едва не выжгло мне центральную нервную систему подчистую.

Я потерла виски ледяными, непослушными пальцами, пытаясь прогнать фантомный гул в ушах. Чужой первобытный страх отступил. Осталась только звенящая пустота и колоссальная мышечная слабость. Но это была победа. Моя первая, абсолютно антинаучная с точки зрения физики, но безупречная с точки зрения психологии победа в мире, где ментальное здоровье было пустым звуком. Я не просто выжила в эти последние десять минут — я нащупала слепое пятно этого сурового общества.

Но это работало.

За дверью послышалось шуршание. Гаррет поднимался. Тяжело, с кряхтением, опираясь руками о стену.

— Человек... — голос прозвучал сипло, ломко. В нем не было ни капли прежней угрозы.

Я приоткрыла глаза, глядя на паутину в углу потолка.

— Александра Олеговна. Или Саша, если для твоей чести это слишком сложно.

В коридоре повисла тишина. Затем я услышала едва уловимый скрип половиц прямо у порога. И тихий шорох ткани. Он склонил голову. Это не было видно через глухую древесину, но я почувствовала этот жест. Жест уважения. Благодарения перед силой, которой он не понимал.

Для них лечебная магия — это срастить сломанную кость или затянуть рваную рану. А то, что разрывает их изнутри, они считают проклятием, крестом, который нужно нести веками, заливая элем или глуша в драках.

Для меня это был просто сбой нейромедиаторов.

— Мой демон ярости отступил, — тихо, почти благоговейно произнес оборотень. В его словах звенела хрупкая, отчаянная надежда существа, которое годами не знало покоя. — Без зелий. Ты... изгнала его.

— Я никого не изгоняла, Гаррет, — устало ответила я, не меняя позы. — Мы просто сменили фокус твоего внимания. Демоны питаются страхом. Нет страха — им нечего жрать.

Он промолчал, переваривая эту чудовищную в своей простоте концепцию.

— Я буду стоять здесь. До утра, — наконец сказал он. Тон изменился. Сторожевой пес перестал быть конвоиром. Он стал защитником. — Никто не войдет.

Я кивнула самой себе. Дрожь в руках постепенно утихала. Заземление сработало для нас обоих.

Деревянными пальцами я расстегнула пуговицу пиджака. Достала блокнот. Вытащила карандаш.

Грифель коснулся чистой страницы прямо под первой записью.

«Инцидент №1. Купирование трансформации (ПА) через заземление по визуальному каналу. Пациент: Гаррет. Восприимчивость к терапии — высокая. Уровень эмпатического истощения специалиста — критический. Примечание: местные воспринимают когнитивно-поведенческую терапию как высшую магию».

Я обвела последнее предложение дважды.

Моя физическая уязвимость в этом мире очевидна — у меня нет клыков, чешуи или боевой магии. Но у меня есть ключи от их разума. И пока я умею останавливать их внутренних демонов лучше, чем их собственные лекари — я буду жить.

Я убрала блокнот, подтянула колени к груди и прикрыла глаза. Впереди была долгая ночь, и мне нужно было восстановить ресурс. Завтра этот замок потребует от меня гораздо большего.

Глава 3. Практика открыта

Шея затекла омерзительно.

Короткий, тревожный сон оставил на языке сухой прикус старой пыли и металлической гари. Я приоткрыла глаза. Ночь в этом каменном мешке пролетела незаметно. Я проснулась на полу, прислонившись спиной к двери, где еще несколько часов назад сидел мой первый пациент. Каждая мышца ныла от напряжения — отголосок вчерашней терапии, вытянувшей последние силы, едва я успела убрать блокнот в карман.

Каждое движение отдавалось тупой болью в пояснице и плечах. Я медленно разогнула ноги, опираясь ладонями о шершавые дубовые доски. Строгие брюки окончательно потеряли стрелки, ткань на коленях задубела от засохшего свадебного крема. Пиджак помялся так, словно его жевал кто-то с очень плохим прикусом. В таком виде на статусные переговоры не ходят.

Тишина.

В комнате стояла тишина, кардинально отличавшаяся от

вчерашней удушающей паузы перед атакой. Воздух утратил густоту. Пропал запах концентрированного электричества. Тусклый свет в настенном рожке едва теплился, бросая на ковер длинные бледные тени.

Я прижалась ухом к дверному полотну. Никакого хрипа. Никакого скрежета когтей. Только ровное, глубокое дыхание где-то на уровне груди.

Дверь не заперли. Тяжелый металлический засов с той стороны оказался отодвинут — я услышала легкий скрип смазанных петель, когда слегка надавила плечом на створку. Щель расширилась.

В коридоре было свежо. Утренний сквозняк тянул откуда-то снизу запахом сырого камня и хвои.

Гаррет сидел на полу, привалившись спиной к противоположной стене. Его силуэт казался абсолютно монолитным в полумраке, но поза изменилась до неузнаваемости. Больше никакого поджатого хвоста, никакой сгорбленной, готовой к прыжку спины: он сидел совершенно расслабленно, просто вытянув длинные ноги вперед.

Услышав скрип двери, он открыл глаза. Его взгляд был абсолютно чистым и удивительно спокойным. Звериного безу-

мия в нем больше не осталось..

Оборотень тяжело поднялся. Я инстинктивно напряглась, вцепившись пальцами в край двери, но он не сделал шага вперед. Вместо этого он опустил массивную голову. Жест вышел неуклюжим, ломким, но абсолютно однозначным — безоговорочное признание авторитета.

— Ночь прошла тихо, — голос прозвучал глухо, без вчерашних вибрирующих рычащих ноток.

— Я заметила.

Я вышла в коридор, поежившись от утреннего холода. Ладони скользнули в карманы пиджака. Пальцы нащупали твердый переплет блокнота. Мой единственный артефакт в этом сумасшедшем доме.

Мозг, отдохнувший за несколько часов глубокого обморочного сна, начал работать с пугающей ясностью. Местная магия, способная срastить перелом за час и затянуть рваные раны, судя по всему, поддерживала и это газовое пламя в светильниках. Но, как я уже успела понять, она была абсолютно, катастрофически слепа ко всему, что происходит в коре головного мозга. Для них невроз — это проклятие, паническая атака — демон ярости. Они жили веками, накап-

ливая травмы, пока те не разрывали их изнутри.

Мои навыки. То, за что топ-менеджеры в Питере платили двести тысяч за курс сессий. Здесь это не просто услуга. Здесь это высшая магия.

Эта мысль ударила по нервам крепким эспрессо. Я выпрямила спину. Если я останусь запертой в гостевой комнате — я просто неизвестная переменная, которую хозяин замка рано или поздно устранил за ненадобностью. Ждать, пока обо мне вспомнят, нельзя. Мне нужен легальный статус. Свобода передвижения. И самое главное — мне нужен доступ к тем, кто принимает решения. К пациентам высшего ранга. Власть здесь держится не на магии, а на информации и влиянии. А влияние получают те, кто решает проблемы.

— Ты должна уйти отсюда, — внезапно нарушил тишину Гаррет. Он переступил с ноги на ногу, проговорив: — Лорд скоро потребует отчет о шпионке. Если он решит, что ты бесполезна...

Он не договорил. В этом не было нужды.

— Мне нужен кто-то, кто управляет этим хаосом, — я скрестила руки на груди, внимательно глядя снизу вверх прямо в его лицо. — Кто здесь отвечает за логистику? За

списки гостей, расписание, кухню?

Гаррет моргнул. Слово «логистика» явно пролетело мимо его лексикона, но суть он уловил безошибочно.

— Управляющий. Торин. Он... ведет Главную Книгу. Но к нему не пустит стража крыла. Он никого не принимает. Готовится церемония. Все проходы закрыты.

— А не закрытые?

Оборотень чуть прищурился. В уголках его губ мелькнуло подобие ухмылки — жесткой, солдатской. Вчера я вытащила его из персонального ада. Теперь у меня появилась фора. Долг жизни или что-то в этом роде.

— Идем. За мной. Тихо.

* * *

Замок Амарант жил двойной жизнью. Парадные коридоры с их стрельчатыми окнами, бордовыми коврами и тяжелыми гобеленами предназначались для гостей. Но Гаррет повел меня изнанкой.

Он нажал на едва приметный каменный выступ у осно-

вания статуи какого-то клыкастого пращура, и кусок стены бесшумно отъехал в сторону. Мы шагнули в крошечную темноту технических переходов.

Здесь пахло пылью, старой мышьиной шерстью и почему-то машинным маслом. Ширины прохода едва хватало, чтобы Гаррет протискивался, не задевая плечами грубую кладку. Свет пробивался лишь сквозь узкие вентиляционные решетки и щели в камнях, открывающие вид на парадную часть замка.

Я старалась ступать след в след за своим провожатым. Каблуки туфель вязли в толстом слое многовековой пыли, глуша шаги.

— Местные лекари дают отвары из сонных трав, — зашептал Гаррет, не оборачиваясь. Голос шелестел сухим эхом в тесном пространстве. — Если демон ярости берет верх — заковывают в серебро. Говорят, это карма за пролитую кровь. С тяжкими думами здесь просто живут, пока они не сожрут сердце.

— Глупости, — так же тихо, но жестко отрезала я. — Любая мысль — это нейронная связь. Ее можно перестроить. Серебро оставьте для ювелиров.

Мы остановились у большой бронзовой решетки. Сквозь затейливый растительный орнамент открывался вид на внутренний двор и парадную лестницу нижнего яруса.

Там творилась катастрофа.

Десятки существ носились по мраморным ступеням, сталкиваясь плечами. Служанки в длинных платьях тащили огромные охапки белых лилий, роняя лепестки, на которых тут же поскальзывались рабочие с тяжелыми деревянными балками. Какой-то бледный юноша в измятом камзоле истерично кричал на стражников. Он требовал пропустить повозку с вином. Стражники угрюмо молчали, их пальцы стискивали древки алебард так, что жилистые руки напряглись до предела. Общая аура места фонила такой концентрацией кортизола, что у меня запершило в горле.

Где-то глубоко внизу, под каменными перекрытиями, ритмично ухало. Вибрация отдавалась в подошвах туфель. Механический гул. Паровые машины. Здесь, в мире элитарной магии и многовековых проклятий, уже крутились поршни и шипел пар под давлением. Ранний индустриальный век пробивал себе дорогу сквозь толщу магии, рождая причудливый, скрипящий симбиоз. На стенах парадного коридора ярко полыхали газовые рожки. По мраморному полу тянулась жирная дорожка мазута от чьих-то сапог.

Я смотрела на этот муравейник сквозь бронзовые завитки решетки. Лица слуг блестели от пота. Движения стражников были резкими, дергаными. Никто не улыбался. Замок сжался, как пружина, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Что ж, картина была предельно ясна: классический управленческий кризис, усугубленный предсвадебным стрессом. Всё по учебнику, разве что декорации необычные.

Эта структура хромала на обе ноги. Кто-то пытался управлять гигантским механизмом вручную, игнорируя базовые законы делегирования. А когда система сбоит на уровне менеджмента — низовые звенья сходят с ума.

— Управляющий там, дальше, — Гаррет кивнул в темноту коридора. — Он не спал десять ночей. Говорят, его прокляли темные эльфы. Он бормочет списки во сне и пересчитывает камни в кладке.

Я мысленно пометила в воображаемой медицинской карте: «Обсессивно-компульсивное расстройство в стадии обострения». Бедный мужик. Никаких эльфов. Просто его нервная система перегорела, как дешевый китайский предохранитель.

— Веди, — я поправила лацканы грязного пиджака.

Мы прошли еще метров сто по извилистому, уходящему вниз пандусу. Воздух здесь стал тяжелым, пропитанным едким, кислым запахом ферментированных грибов и застарелого пота.

Ход закончился глухой деревянной панелью. Гаррет навалился на нее плечом. Раздался тихий щелчок, и панель отъехала внутрь, открывая проход в слабо освещенное помещение.

* * *

Кабинет выглядел так, словно здесь взорвалась бумажная бомба.

Сотни, тысячи свитков покрывали все доступные поверхности. Желтоватый пергамент, плотная серая бумага, обрывки с сургучными печатями. Они громоздились на массивном дубовом столе шаткими башнями, устилали пол скользким ковром, торчали из приоткрытых ящиков неподъемных шкафов. Тусклый свет магической лампы выхватывал из полумрака витающую в воздухе густую бумажную пыль.

В центре этого хаоса, сгорбившись над развернутым планом замка, сидело существо.

Это был второй дварф, которого я встретила в этом замке, но в отличие от того драчуна с топором из бального зала, этот экземпляр был бесконечно далек от образа сурового воителя. Широкий, как шкаф, но осунувшийся, он казался меньше своих реальных размеров из-за позы. Густая, жесткая борода цвета воронова крыла оказалась неровно острижена и перепачкана фиолетовыми чернилами. Под глазами залегли тени такой глубины и цвета, что напоминали свежие кровоподтеки. Кожа приобрела нездоровый пепельно-серый оттенок.

Он не заметил нашего появления. Его узловатые, покрытые мозолями пальцы судорожно бегали по строчкам плана.

— Триста сорок салфеток. Почему заказали триста сорок? Нужно триста сорок две. Симметрия западного крыла рухнула. Три стола, по сто четырнадцать... нет. Нет! — голос дварфа сорвался на сиплый, отчаянный хрип.

От сильного нервного истощения его била мелкая, безостановочная дрожь. Он потянулся к заляпанной чернилами фляге, стоящей на краю стола. Открутил пробку непослушными пальцами. Резкий запах мухоморной настойки

ударил мне в нос с расстояния пяти метров. Гномий энергетик. Жесткий стимулятор, сжигающий сердце ради пары часов искусственной бодрости.

Он сделал большой глоток, скривился и снова уткнулся в бумагу, неистово царапая пергамент пером.

Гаррет шагнул из-за потайной панели в кабинет. Половица под его сапогом жалобно скрипнула.

Дварф вскинулся так резко, что перевернул чернильницу. Темная лужа стремительно поползла по плану посадки гостей.

— Стража? — рявкнул он. Его глаза, воспаленные, с красной сеткой лопнувших капилляров, дико заметались. — Как вы вошли?! Я приказал запечатать двери! Никаких просителей! Никаких курьеров! Если леди Агата снова пришлет список своих аллергий, я прикажу скормить ее мантикорам!

— Торин, — низко, успокаивающе произнес Гаррет, поднимая пустые ладони. — Я пришел не за списками.

Управляющий заморгал, пытаясь сфокусировать зрение на огромном оборотне. Затем его взгляд метнулся за спину стражника и остановился на мне. Густые брови сошлись на переносице.

— Человек? В техническом крыле? Гаррет, ты в своем уме? Лорд Аркс снимет с тебя шкуру и пустит на половики.

(«Значит, дракона с золотыми глазами зовут Аркс», — мимоходом отметила я).

— Вышвырни ее! У меня нет времени на шпионов, у меня салфетки не сходятся!

Он снова схватился за голову обеими руками, с силой дернув себя за волосы. Классическая аутоагрессия при потере

контроля над ситуацией.

Я медленно вышла из-за спины оборотня. Наступила на какой-то скомканный приказ, подавив желание тут же поднять его и разгладить.

— Она не шпионка, — веско сказал Гаррет. В его голосе зазвучала незнакомая мне ранее сталь. — Она укротительница демонов ярости. Знахарка тяжких дум. Она остановила мой срыв словами.

Торин замер. Медленно, очень медленно он опустил руки. Воспаленный взгляд прошелся по моей фигуре — от грязных ботинок до растрепанных волос. Скеписис на лице дварфа сгустился настолько, что хоть ножом режь.

— Знахарка? — он издал звук, похожий на лай простуженной собаки. — Девочка, тут лекари с вековыми дипломами не могут снять с меня проклятие эльфов. У меня в голове рой ос. Каждая оса кричит о том, что через сутки сюда придут сто сорок драконов и двести людей, и если хоть один кубок будет стоять криво — начнется война. Ты сваришь мне зелье забвения?

Он саркастично выгнул бровь, сжимая в руке перо так, что древко жалобно хрустнуло.

— Я не варю зелья, — я сделала два шага к столу. Спокойно. Без резких движений. Вторжение в личное пространство невротика должно быть постепенным. — И никакого проклятия на вас нет. У вас острое профессиональное выгорание, помноженное на микроменеджмент и интоксикацию стимуляторами.

Дварф захлопал глазами. Незнакомые слова ударили по его сознанию тяжелым молотом, выбив из привычной колеи паники.

— У вас иллюзия, что контроль над салфетками гарантирует безопасность всего мероприятия, — продолжила я, понизив голос до мягкого, обволакивающего бархата. Тон психотерапевта, объясняющего диагноз. — Но человеческий, равно как и дварфийский мозг способен удерживать в активном фокусе не более семи задач одновременно. Вы пытаетесь удержать семьсот. Ваш процессор горит, Торин.

— Я не понимаю половину твоих слов, женщина, — хрипло выдохнул он, но перо из руки выпустил.

— Я предлагаю порядок в голове, — я достала из кармана блокнот. Кожаная обложка мягко легла в ладонь. — Вы отдаете мне часть вашего безумия. Я его структурирую. А вы

получаете возможность спать и гарантию того, что церемония не рухнет.

В кабинете стояла тишина. Слышно было только, как каплют чернила со стола на каменный пол. Кап. Кап. Кап.

Торин посмотрел на Гаррета. Оборотень молча, тяжело кивнул.

Дварф перевел взгляд на флягу с мухоморами. Затем на залитый чернилами план посадки. Его плечи внезапно опустились, словно из них вынули несущий каркас. Весь его грозный вид рассыпался, обнажив бесконечно уставшего, загнанного в угол старика, который просто хотел, чтобы этот кошмар закончился.

Он протянул дрожащую руку к самому массивному свитку, лежащему на краю стола. Свиток перетягивала толстая красная бечевка.

— Это протокол проблемных точек. То, до чего у меня не дошли руки. Если ты действительно та, за кого себя выдаешь... — он сглотнул, и его голос потерял остатки гонора. — Разберись хотя бы с десятой частью. Иначе завтра Лорд Аркс сожжет нас всех прямо в бальном зале.

Я подошла к столу. Протянула руку и взяла свиток.

Он оказался невероятно тяжелым. Плотный, старый пергамент оттягивал запястье. В этот момент я физически ощутила, как замкнулся капкан. Мой блеф перестал быть блефом. Я только что официально устроилась на должность антикризисного менеджера и главного мозгоправа в эпицентре потенциальной межвидовой войны.

Если я не справлюсь — меня не просто убьют. Меня сотрут в порошок.

Я прижала тяжелый бумажный рулон к груди. Вдохнула запах пыли и чернил. В животе похолодело от страха, но пальцы уже привычно поглаживали корешок кожаного блокнота.

— Отлично, — ровным, лишенным эмоций голосом сказала я. — А теперь, для начала, уберите эту грибную дрянь со стола. Мы начинаем работать.

Глава 4. Спасение микроменеджера

Тяжесть свитка оттягивала запястье. Плотный, ссохшийся от времени пергамент пах подвальной плесенью и мышиным пометом. Красная бечевка впилась в кожу. Я стояла посреди кабинета, заваленного бумагой до состояния абсурда, и чувствовала, как вместе с этим куском мертвой телячьей кожи принимаю на себя ответственность за целое королевство нервнобольных.

Воздух здесь стоял спертый. Вентиляционные решетки под потолком давно забились бумажной трухой.

Торин Железная Книга даже не смотрел в мою сторону. Выдав мне протокол проблемных точек, он мгновенно вычеркнул мое существование из своей реальности. Сработал защитный механизм психики — полное схлопывание фокуса до размеров ближайшей угрозы. А угрозой для него сейчас был очередной залитый фиолетовыми чернилами лист посадки гостей.

Дварф скрючился над столешницей. Его пальцы, узловатые и черные от въевшегося пигмента, с лихорадочной скоростью перебирали мелкие записки.

— Столы. Тридцать столов по малому кругу. Радиус поворота тележки с закусками — полтора ярда. Полтора. Если тролли из свиты невесты сдвинут кресла... — он забормотал, переходя на прерывистое сипение. — Они сдвинут кресла. Они всегда сдвигают кресла. Тележка застрянет. Соус прольется на паркет. Лорд Аркс увидит пятно.

Он схватил перо. Сломал его пополам. Выругался гортанным, режущим слух звуком и тут же потянулся за новым, не глядя, наощупь. Рука тряслась так, что капли с кончика пера полетели на соседние стопки.

Классика. Тотальная потеря контроля над базовыми процессами порождает иллюзию, что спасение кроется в контроле над микроскопическими деталями. Если я спасу соус — я спасу мир. Если салфетки будут лежать ровно — дракон никого не сожрет. Он на пике своего выгорания.

Мой внутренний диагност довольно щелкнул пальцами. Это я лечить умею.

Я положила выданный мне свиток на единственный свободный край стола. Звук получился глухим, веским.

— Вы задыхаетесь в этой системе, Торин, — я говори-

ла низким, грудным голосом. Никаких резких интонаций. Только мягкое, уверенное давление. — Ваш ресурс исчерпан. Вы пытаетесь удержать гору голыми руками, стоя на оползне.

Дварф замер. Перо зависло над планом. Из-за красной сетки лопнувших капилляров его взгляд казался безумным.

— Никто. Не сделает. Это. Лучше. Меня, — с трудом выдал он сквозь стиснутые зубы. — Помощники — идиоты. Стража — тупицы. Повара умеют только рубить мясо. Если я не пропишу угол наклона ложек для десерта, они положат их черенками на север. На север! Это дипломатическое оскорбление посольства эльфов. Ты ничего не понимаешь, человек. Уходи. Выполняй свою часть уговора и не лезь в Главную Книгу.

Он бросил перо. Искореженные пальцы крепко сжали флягу, стоящую на краю залитого чернилами пятна.

Я уже чувствовала этот резкий запах от двери, но вблизи он оказался абсолютно невыносимым. Смесь старой, забродившей земли, кислой ржавчины и терпкой грибной гнили. Торин открутил крышку и сделал жадный глоток. Жидкость была густой, почти черной.

Пара секунд. Всего пара секунд понадобилась этому местному энергетика, чтобы ударить по его истощенной нервной системе. Зрачки дварфа потемнели и увеличились, почти поглотив радужку. Болезненный, стеклянный блеск вспыхнул в глазах. Спина неестественно выпрямилась. Дрожь в руках пропала, сменившись пугающей, механической жесткостью движений. Жесткий стимулятор, сжигающий сердце ради иллюзии бодрости.

Я скосила глаза. Гаррет неподвижно стоял у притолки. Массивная фигура оборотня сливалась с тенями кабинета. Он не вмешивался. Наблюдал. Во взгляде стражника читалось мрачное ожидание — сработает ли моя хваленая «магия слова» на этом упрямом куске камня.

— Я понимаю больше, чем вы думаете, — я придвинула к себе чистый лист пергамента, лежащий поверх чьей-то сметы. Привычно раскрыла свой потертый блокнот. Вытащила карандаш. — Вы пьете эту дрянь, потому что ваш природный запас маны иссяк. Ваше сознание продуцирует завихрения ментальной энергии.

Слова ложились на язык непривычно. Психоанализ в фэнтези-антураже требовал жесткой адаптации терминологии. Скажи я ему про нейронные связи и кортизол — он вызовет стражу. Скажи про ману и завихрения — он будет слушать.

Форма определяет восприятие.

Торин фыркнул, но флягу отставил.

— Завихрения, — саркастично повторил он. — Знахарка заговорила как архимаг.

— Именно они. Эти завихрения блокируют поток управленческой энергии. Вы не управляете замком, Торин. Замок управляет вами. Каждая салфетка, каждая ложка — это пивка на вашем ментальном теле.

Карандаш коснулся бумаги. Я провела уверенную вертикальную линию. Затем горизонтальную. Получился ровный, четкий крест, разделивший лист на четыре квадрата.

Дварф заворуженно уставился на чертеж. Любая структура в этом царстве хаоса привлекала его внимание автоматически.

— Матрица Эйзенхауэра, — произнесла я с той же интонацией, с какой местные, вероятно, произносят названия древних разрушительных заклинаний. Звучало достаточно пафосно.

— Эйзен... кого? Древний гномий клан?

— Высший военный тактик другого мира. Эта матрица спасает империи от краха. Смотрите сюда.

Я ткнула острием карандаша в левый верхний квадрат.

— Важно и срочно. Сюда попадает то, что убьет нас прямо сейчас. Безопасность лорда Аркса. Перемещение вооруженных отрядов гостей. Яды на кухне. Это ваша зона. Ваш монолитный контроль.

Карандаш переместился правее.

— Важно, но не срочно. Планирование резервных маршрутов. Проверка запасов провизии на случай осады. То, что требует ясной головы, а не мухоморного бреда.

Торин нахмурился. Блеск в его глазах чуть потускнел, стимулятор в крови начал конфликтовать с необходимостью думать, а не просто действовать рефлекторно. Он подался вперед, опираясь ладонями о стол.

Я сдвинула карандаш в нижний левый квадрат.

— А вот здесь начинается ваша личная преисподняя. Срочно, но не важно.

Грифель постучал по бумаге. Гулко. Жестко.

— Это ваши ложки. Ваши салфетки. Полотенца в гостевых комнатах. Угол наклона канделябров. Это нужно сделать прямо сейчас, потому что банкет завтра. Но если ложка ляжет черенком на юг — замок не рухнет. Эльфы подожмут губы, но люди договор из-за этого не разорвут.

— Рухнет симметрия! — вскинулся дварф. Его голос дал петуха. — Ты не понимаешь местной политики. Эти длиннорукие снобы расценивают кривую вилку как объявление войны! Я должен сам пойти в хранилище. Я должен выбрать салфетки правильного тона. У нас есть жемчужно-белый и цвет снежной пыли. Разница критическая. Если я доверю это помощникам, они принесут цвет слоновой кости. Слоновой кости! Это же позор на весь континент!

Его затрясло. Обострение. Мы подошли к ядру его невроза. Иллюзия незаменимости.

— И пока вы будете три часа сличать оттенки белого в темном хранилище, — я говорила тихо, заставляя его прислушиваться, втягивая в свой ритм, — кто-то из стражи на западном посту пропустит курьера с ядом. Потому что вы не утвердили график смен. Вы были заняты салфетками.

Торин открыл рот. Закрыл.

Удар попал в цель.

— Делегирование, — я вывела это слово крупными буквами в нижнем левом квадрате. — Передача магической ответственности младшим чинам.

— Они не справятся.

— Вы сами завалили вчерашнюю поставку эля.

Дwarf побледнел под слоем копоти и чернил. Его глаза дико метнулись к Гаррету. Оборотень даже не моргнул, его лицо оставалось бесстрастной маской. Никто не знал про эль. Откуда я могла знать?

Я не знала. Просто логика. Когда система перегружена микрозадачами, крупные логистические узлы неизбежно рвутся. Это закон физики и менеджмента. Я просто ткнула пальцем в небо и угадала.

— Вы упустили телеги на северном тракте, потому что лично пересчитывали кристаллы в люстрах бального зала, — я продолжала блефовать, нанизывая факты на психологиче-

ский конструкт. — Ваша незаменимость — это самообман. Вы боитесь отпустить вожжи, потому что тогда вам придется признать, что система может работать и без вашего ежесекундного вмешательства. А кто вы тогда, Торин? Просто уставший старик в грязном кабинете?

В кабинете повисла тишина. Лишь отчетливо шипел газ в рожке над столом, да из коридора доносился приглушенный гул замка. Было жестоко. В терапии так не делают. Ломать защиты пациента кувалдой на первой же сессии — непрофессионально. Возможен острый психоз или агрессия, а времени на расслабляющие беседы не было.

Дwarf тяжело осел на табурет. Жесткость, вызванная стимулятором, покинула его тело. Он сгорбился, став еще меньше.

— Цвет снежной пыли, — прошептал он. — Триста сорок две.

— Зовите помощников.

* * *

Процесс давался ему с физической болью.

Когда в кабинет робко, стараясь не скрипеть дверными петлями, вошли два худых писаря-человека, Торин выглядел так, будто провожает сыновей на верную смерть. Его левый глаз мелко дергался.

Я сидела на расчищенном краю сундука, подтянув одно колено к груди. Блокнот лежал на бедре. Карандаш замер в руке.

— Отправляйтесь в седьмое хранилище южного крыла, — голос управляющего скрипел, как несмазанная телега. — Стеллаж восемь. Ярус третий снизу. Найдете тюки с текстилем. Мне нужны салфетки. Триста сорок две.

Писари закивали с такой скоростью, что их жидкие волосы разметались по плечам.

— Жемчужно-белый, господин? — пискнул один из них.

Торин побагровел, его кулаки сжались. Я кашлянула. Коротко, предупреждая.

Дварф сглотнул.

— Цвет. Снежной. Пыли. Если принесете слоновую кость — я велю Бальтазару сварить из вас бульон для гончих.

Писари мгновенно испарились, словно их сдуло сквозняком.

Дверь закрылась. И начался ад ожидания.

Двадцать минут. Всего двадцать минут, но в этом подземье они тянулись как патока. Я ориентировалась только по собственному пульсу и тускнеющему газу в светильнике.

Торин не мог сидеть. Он мерил шагами узкий пяточок между столом и шкафом. Три шага туда. Разворот на каблуках. Три шага обратно. Его руки постоянно тянулись к стопкам бумаг, но он отдергивал их, стоило мне поднять взгляд от блокнота. Я играла роль строгого надзирателя в рехабе. Никакой работы с мелочами. Детоксикация от контроля.

Гаррет сменил позу лишь однажды — перенес вес на левую ногу. Он уже прошел через мою ломку сознания и теперь с отстраненным интересом наблюдал, как страдает другой.

— Они перепутают стеллаж. Они не знают маркировки,
— бормотал Торин, грызя ноготь на большом пальце.

— В хранилище есть окна? — спросила я, не отрываясь от зарисовки профиля дварфа на полях блокнота.

— Зачем?

— Затем, что при магическом свете оттенки белого искажаются. Если они не полные идиоты, они вынесут образцы в коридор, к дневному свету.

Дварф замер посреди шага. Эта мысль явно не приходила ему в голову. Он всегда все делал сам, полагаясь на свое гномье зрение в темноте.

Где-то далеко внизу мерно ухали паровые насосы. Замок Амарант жил своей огромной, скрипящей жизнью, совершенно не заботясь о том, кто именно считает его салфетки.

Шаги в коридоре раздались неожиданно громко.

Торин бросился к столу, его пальцы впились в край так, что на мягкой древесине остались вмятины.

Дверь приоткрылась. Писари втиснулись внутрь, волоча за собой тяжелый парусиновый мешок, стянутый грубой веревкой. Они выглядели взмыленными.

— Стеллаж восемь, господин Торин. Как приказывали.

Управляющий молниеносно выхватил кинжал — я едва уловила блеск стали — и распорол мешок.

Прямо на чистую парусину вывалилась кipa идеально сложенных, хрустящих, прохладных на вид тканевых квадратов.

Торин упал на колени прямо в пыль. Его руки зарылись в ткань. Он поднес одну салфетку к глазам. Потом к магическому рожку. Потом понюхал. Провел грубым мозолистым пальцем по кромке шва.

Тишина в кабинете стала почти осязаемой. Писари вжались в дверной косяк.

Дварф медленно опустил руки. Салфетка выпала из его пальцев и мягко спланировала на горсть чернильного песка.

Они были идеальны. Цвет снежной пыли. Триста сорок две. Ровные края.

Два перепуганных писаря сделали то, на что Торин собирался потратить три часа своей сгорающей жизни. Они сделали это без него.

Когнитивный диссонанс ударил дварфа с такой силой, что он покачнулся.

Он посмотрел на свои руки. Чистые от этой задачи. Свободные.

Потом он медленно повернул голову ко мне.

Из его воспаленных глаз ушла паника загнанного зверя. Осталась лишь непривычная растерянность — пугающая легкость пустоты.

Я закрыла блокнот. Сухой щелчок кожи.

— Нижний левый квадрат, Торин, — ровно произнесла я. — Он больше не ваш. Теперь у вас есть время переписать графики смен для западного поста. Важно. Срочно.

Управляющий тяжело сглотнул. Он оперся руками о пол и встал. Отряхнул колени от пыли. Его взгляд задержался на мне дольше положенного. Он смотрел не на странно одетую девицу, которую привел охранник. Он смотрел на инструмент решения своих проблем. На спасительный механизм.

Гордость старого служаки уступала место голым фактам. Мои методы работали там, где местная магия буксовала веками.

— Свободны, — хрипло бросил он писарям, не оборачиваясь. Те исчезли с радостным писком.

Торин подошел к столу. Сгреб в охапку залитый чернилами план рассадки. Скомкал его. Жестким, уверенным дви-

жением швырнул бумажный ком в темный угол. Потянулся за чистым пергаментом.

Кабинет все еще выглядел как филиал бумажного ада. Воздух все еще пах кислыми грибами. Но невидимая струна, натянутая до предела, лопнула. Атмосфера разредилась. Дышать стало легче.

Я провела ладонью по обложке блокнота. Под кожей пальцев бился ритм чужого мира, который только что прогнулся под мои правила.

Замок Амарант был болен. Пропитан травмами, страхами и выгоранием до самого основания. Масштаб этой катастрофы подавлял. Оборотень с ПТСР. Дварф с ОКР. И это только верхушка айсберга, технический персонал. Что творится в головах тех, кто управляет этим миром?

Но страха больше не было. Появился охотничий азарт профессионала.

Они считают меня знахаркой. Пусть. Я легализовала свое присутствие. Я нашла рычаг.

— Гаррет, — Торин не поднял головы от нового плана, но его голос звучал четко, без истерических ноток. — Передай

на кухню: этой госпоже подать отдельный поднос с обедом в мой кабинет. Она останется здесь. У нас много работы.

Оборотень коротко кивнул. Я поймала его взгляд. В нем отчетливо мелькнуло мрачное удовлетворение.

Первый шаг сделан. Кабинет управляющего взят. Следующая остановка — высший свет. Я встала с сундука и подошла к столу.

— Итак. Что у нас в квадрате «важно и не срочно»?

Я была готова распаковывать эту ментальную помойку дальше. Моя практика в этом мире официально открылась.

Глава 5. Увядающие лозы и почетный статус

Мышцы спины затекли так, словно последние три часа я таскала мешки с цементом, а не выстраивала чужие границы. Адреналиновый шторм, державший меня на плаву с самого момента падения в этот безумный мир, начал медленно отступать. На его место приходила тупая, тянущая усталость.

Воздух в кабинете управляющего все еще отдавал кислой мухоморной гарью, но невидимые тиски, сжимавшие пространство, исчезли. Я стояла, прислонившись бедром к массивному дубовому столу, и смотрела на пустой нижний левый квадрат нарисованной матрицы.

Успех. Чистый, кристальный терапевтический прорыв.

Но расслабляться было нельзя. В коммерческой психотерапии есть золотое правило: один лояльный клиент — это случайность. Два — тенденция. Три — стабильная практика. Мой статус в замке Амарант пока держался на честном слове и шоке одного задержанного дварфа. Чтобы не стать кормом для мантикор, требовалось закрепить авторитет. Найти

нового пациента. Новую проблему, которая местной магии, со всей её способностью сращивать кости за час и останавливать кровотечения, оказалась бы не по зубам.

Дверь внутреннего покоя скрипнула.

Торин Железная Книга вышел на свет газового рожка. Я инстинктивно подобралась, готовая к новому витку паники, но дварф выглядел иначе. Его плечи, ранее подтянутые к самым ушам в классической позе вечной обороны, опустились. Лихорадочный блеск в глазах уступил место глубокой, стариковской усталости, смешанной с непривычным покоем. Он больше не теребил бороду и не искал взглядом неровно лежащие свитки.

Защитные механизмы легли в спящий режим.

Он остановился в паре шагов. Тяжелый взгляд прошелся по измятому пиджаку, задержался на руках.

— Твоя матрица... — голос Торины звучал глухо, как стук камня о камень. — Она держит форму. Писари пересчитали бокалы для эльфийского посла. Я не спускался в подвал. Я позволил им это сделать.

— И замок не рухнул, — ровно отозвалась я.

— Не рухнул.

Дварф помолчал, перекатываясь с пятки на мысок. В его движениях появилась основательность.

— Ты странная птица, человек. Твоя магия не пахнет озоном и не жжет пальцы. Но она вытаскивает ржавые гвозди из головы.

Он подошел к столу. Медленно, осознанно отодвинул в сторону залитый чернилами план рассадки.

— Если ты умеешь распутывать такие узлы... мне нужен твой взгляд в другом месте.

Я чуть склонила голову, всем своим видом демонстрируя профессиональную готовность. Внутри же ликовал маленький голодный маркетолог — сарафанное радио Этерии заработало.

— Оцените состояние души главного садовника, — Торин подался вперед, переходя на полусшепот. — Ее зовут Ильва. Она из троллей. Следит за Аптекарьским садом в южном крыле.

— Что с ее душой?

— Ее хищные лозы увядают. Третий день они отказываются жрать свежее мясо. Листья сохнут, стебли гниют прямо на глазах. Лекари приходили. Жгли очищающие травы, читали заклинания роста, вливали зелья в почву. Бесполезно. Магия бессильна. Ильява... она просто сидит там и смотрит в землю. Если лозы сдохнут, нам нечем будет защищать нижние ярусы от крыс-мутантов.

Физиологические симптомы у питомцев на фоне эмоционального упадка хозяина. Классический симпатический отклик. В моем мире кошки лысеют от стресса владельцев. Здесь сохнут плотоядные кусты. Масштаб разный, механика одинаковая.

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Южное крыло. Спустишься по винтовой лестнице за гобеленом с мантикорой. Иди прямо на запах сырой земли.

* * *

Путь через замок оказался испытанием для моей вестибулярной системы. Широкие парадные галереи с начищенным паркетом резко сменялись узкими каменными кишка-

ми технического яруса. Сквозь высокие витражи пробивался яркий дневной свет, раскрашивая пыль в воздухе цветными пятнами.

Где-то далеко внизу мерно ухали паровые насосы. Гул вибрацией отдавался в подошвах туфель.

Воздух менялся с каждым пролетом. Запах воска и старого дерева постепенно вытеснялся густым, влажным ароматом перегноя. Вскоре к нему примешался сладковатый, одуряющий дух экзотической пыльцы и легкая нотка гниющего мяса.

Я толкнула тяжелую кованую решетку, полускрытую побегами дикого плюща.

Аптекарский сад встретил меня удушливой влажностью парника.

Это было гигантское стеклянное строение, прилепленное к южному склону замка. Свет здесь преломлялся сквозь закопченные стекла и смешивался с синеватым сиянием газовых рожков, создавая болезненную, сумеречную атмосферу. Вдоль узких дорожек из колотого кирпича громоздились терракотовые вазоны. В них пульсировала, шевелилась и дышала совершенно инопланетная флора.

Растения здесь не просто росли. Они чутко реагировали на каждое движение.

Мясистые фиолетовые листья покрывались испариной, стоило сделать шаг. Какие-то луковицы издавали тихий, шипящий звук. Сад откровенно болел. Воздух в оранжерее застоялся, отдавая прелью и прокисшим соком.

В самом центре оранжереи, у огромной каменной кадки, спиной ко мне сидела фигура.

Ильва.

Ее размеры откровенно подавляли. Даже просто сидя на корточках перед огромной кадкой, она казалась значительно выше меня. Могучая фигура троллихи, обтянутая грубой холщовой рубахой, тяжело вздымалась при каждом дыхании. Ее руки безвольно лежали на краю каменной кадки.

Я подошла ближе, стараясь ступать мягко.

В кадке погибали хищные лозы. Стебли толщиной в руку, усыпанные бордовыми шипами, безжизненно свисали на каменный пол. На их концах болтались массивные бутоны-пасти. Сейчас они были вяло приоткрыты, обнажая пожелтев-

шие зубчики. Из стыков листьев медленно, по капле, сочился мутный вязкий сок.

Троллиха не обернулась на шаги. Плечи безвольно опустились, огромные руки плетями висели вдоль тела — от этой позы веяло тяжелой, черной тоской.

Я остановилась в двух метрах от нее. Достала блокнот. Сухой щелчок переплета заставил вздрогнуть луковицы в соседнем вазоне.

— Они не хотят жить, — голос Ильвы напоминал звук пересыпающегося гравия. Глубокий. Медленный. Затяжной.

Она медленно повернула ко мне свое невероятно печальное лицо. Ее глубокий взгляд был наполнен такой сильной концентрацией боли, что я сразу ощутила ее физическую тяжесть.

— Растения всегда отражают того, кто возделывает почву, — спокойно произнесла я, сразу переходя к сути. — Что убивает вас, Ильва?

Она моргнула. Густые ресницы, похожие на сосновые иголки, дрогнули. Местные не привыкли к прямым вопросам об их внутреннем состоянии.

— Моя почва сухая, маленькая женщина. Мой корень высох.

Я присела на край соседней пустой клумбы, выравнивая уровень глаз. Сессия «в полях» требует особой пластичности.

— Высыхание не происходит в один день. Вода куда-то ушла. Куда?

Троллиха медленно перевела взгляд на поникший бутон. Огромный палец с обломанным черным ногтем бережно погладил увядающий лист.

— Мой сын. Грох. Он ушел в армию на Северную заставу. Три луны назад. Там ледяные пустоши и клинки гоблинов. Он был моим зерном. Я растила его сто лет. Кормила с рук. Учила слушать, как дышит камень. А теперь в моем доме тихо. Слишком тихо.

Она замолчала. Грудь тяжело вздымалась.

— Даже хищные лозы отказываются есть из-за моего горя.

В ту же секунду пространство вокруг нас физически изме-

нилось. Запах влажной земли сгустился, обволакивая, словно жидкий кисель, залипая в горле и мешая вдохнуть. Температура упала. С потолочных балок сорвался десяток увядших лепестков какой-то орхидеи и бесшумно спланировал на каменный пол.

Волоски на руках встали дыбом. Симпатическая магия в чистом виде. Депрессия троллихи транслировалась в окружающую среду, меняя состав воздуха и убивая флору. Эмпатическая связь уровня, недоступного человеческому пониманию.

— Синдром опустевшего гнезда, — тихо произнесла я, делая пометку в блокноте.

Ильва нахмурилась, не понимая земного термина. Нужно было переводить. Быстро и точно.

— Ваша материнская мана, Ильва, — я убрала карандаш и подалась вперед, фиксируя ее взгляд. — Сто лет вы направляли огромный поток энергии на то, чтобы питать своего сына. Вы были руслом реки. Ваш смысл заключался в том, чтобы отдавать эту силу ему.

Троллиха замерла. Ее глаза неотрывно следили за моим лицом.

— А потом он ушел. Река не исчезла. Энергия продолжает вырабатываться. Но русло перекрыли дамбой.

Я сделала круговое движение рукой в воздухе, визуализируя процесс.

— Ваша мана застаивается. Она прокисает внутри вас, превращаясь в яд. Этот яд отравляет вас. И он отравляет лозы, потому что они питаются вашим фоном. Вы убиваете их не потому, что плохая садовница. Вы убиваете их нерастроченной любовью.

Тишина в оранжерее стала звенящей. Сок перестал капать с листьев.

— Как... пробить дамбу? — прошептала Ильва. Гравий в ее голосе намок.

— Найти обходной канал. Энергия должна течь туда, где находится объект. Ваш сын на Северной заставе. Туда ходят курьеры. Туда летают почтовые птицы.

Я постучала пальцем по кожаной обложке.

— Вам нужно написать письмо.

— Я не умею выводить руны.

— Тогда идите к писарям, либо надиктуйте всё мне. Вы расскажете ему о каждом листе в этом саду. Вы соберете посылку. Вы положите туда сушеные травы от простуды, теплые носки, заговоренный амулет. Вы направите свою материнскую ману в действие. Забота на расстоянии — это тоже забота. Дайте потоку выход, Ильва. Не душите его внутри.

Троллиха со свистом втянула воздух, наполняя огромную грудную клетку.

В этот момент в кадке раздался тихий, влажный хруст.

Мы обе опустили глаза. Одна из самых толстых бордовых лоз, чья пасть еще минуту назад безвольно валялась на камнях, дрогнула. По стеблю прошла волнообразная судорога. Лоза медленно, со скрипом натягивающихся волокон, оторвалась от пола.

Она выпрямилась.

Прямо на наших глазах плотный чешуйчатый слой на сгибе стебля треснул, и наружу пробился крошечный, ярко-зеленый, полный жизненных соков побег.

Ильва издала звук, похожий на сдавленное рыдание. Она протянула огромную руку, и лоза доверчиво ткнулась бутоном в ее мозолистую ладонь, словно изголодавшийся щенок.

— Растет... — прошептала троллиха. Из глаз выкатились две мутные слезы и разбились о сырую землю. — Живет.

Воздух в оранжерее мгновенно утратил свою липкую тяжесть. Дышать стало легко. Сладковатый аромат пыльцы вернулся, вытеснив запах гнили.

Ильва повернулась ко мне. В ее взгляде, еще недавно мутном от тоски, проступило что-то другое.

— Твое слово — как чистый ручей, маленькая женщина. Я соберу ему мох. Я свяжу ему куртку. Я надиктую писарям самое длинное письмо. Я...

Она не договорила. Просто поклонилась так низко, что коснулась лбом края каменной кадки.

* * *

— Никогда. За сто тридцать лет службы. Не видел ничего подобного.

Голос прозвучал от входа в оранжерею. Я обернулась, едва не выронив блокнот.

Торин Железная Книга стоял у кованой решетки. Пришел сюда. Сам. Покинул бумажную крепость и спустился в технический ярус. Борода аккуратно приглажена, пальцы боль-

ше не дрожат.

Дварф шагнул внутрь, разглядывая поднявшуюся лозу и утирающую слезы Илью. Затем перевел тяжелый взгляд на меня.

— Ни одного алхимического зелья. Ни одного пасса руками. Только слова. И сад снова дышит.

Дварф подошел вплотную. Из-за пазухи своего плотного суконного камзола он извлек предмет и протянул его мне.

Свиток. Не замусоленный пергамент с проблемами из кабинета управляющего, а белоснежный, плотный на ощупь, пахнущий дорогим сургучом и свежей кожей. Свиток перетягивал тяжелый золотой шнур, концы которого скрепляла массивная золотая печать с оттиском дракона, расправившего крылья.

— Что это? — я не спешила брать предмет. В мире магии не стоит хвататься за вещи, не прочитав инструкцию.

— Это твой статус, Александра, — Торин впервые назвал меня по имени, правильно выговорив все слоги. — Ты больше не шпионка, которую ждет темница. И не безликая прислуга. Ты — Почетный гость замка Амарант.

Сердце радостно екнуло, но на лице не дрогнул ни один мускул.

— Эта бумага подписана моей рукой. Она дает тебе право передвигаться по любым ярусам замка, кроме личных покоев Лорда Аркса. Тебе выделяют нормальное питание с кухни, а стража обязана отвечать на твои вопросы.

Я протянула руку. Свиток лег в ладонь весомым, приятным грузом. Золотая печать была теплой, словно хранившая в себе частицу магии замка.

Это была не просто бумажка. Это была легализация. Броня. Мой пропуск в высший свет местной социальной лестницы.

— Мой кабинет всегда открыт для тебя, Знахарка, — дварф коротко, с достоинством кивнул. — Замок болен. И, похоже, ты единственная, кто знает правильное лекарство.

* * *

Путь в гостевую комнату слился в одно сплошное пятно.

Каблуки звонко отстукивали ритм по каменным плитам.

Коридоры, еще утром казавшиеся враждебными лабиринтами, теперь выглядели просто декорациями к новой реальности. Стражники-оборотни в кожаных доспехах провожали меня настороженными, но лишенными агрессии взглядами. На плече одного мелькнула синяя форменная повязка, он коротко кивнул. Гаррет уже разнес слух.

Я вернулась в гостевую комнату. На углу стола, словно дожидаясь моего прихода, стоял поднос. Настоящий, серебряный поднос. На нем дымилась фарфоровая чашка с каким-то травяным отваром, лежала стопка тонких лепешек, кусок белого сыра и несколько запеченных яблок. Обещанное Торинном питание появилось быстрее, чем я успела сюда дойти.

Я положила свиток с золотой печатью на край стола. Аккуратно, с глубоким удовлетворением разгладила задравшийся уголок, осознавая его ценность.

Затем опустилась на жесткий деревянный стул. Усталость навалилась с новой силой — не тянущая, а приятная, дающая чувство выполненного долга.

Рука сама потянулась в карман за блокнотом. Карандаш мягко заскользил по плотной бумаге.

«Инцидент №3. Купирование глубокого депрессивного

эпизода (синдром опустевшего гнезда) через сублимацию энергии в действие. Пациент: Ильва (троллия). Вектор заражения: эмпатический резонанс флоры».

Я подчеркнула последние слова двумя жирными чертами.

Моя теория обретала железобетонную, подтвержденную практикой структуру. Ментальные паразиты — травмы, невроты, непрожитое горе — не просто разрушали умы обитателей Амаранта. В мире, где эмоции материализуются, психологические искажения обретали физическую форму, и масштабы этого заражения оказались куда шире, чем я думала.

Из-за стресса сохнут хищные лозы. Сходят с ума цепные стражники. Ломается сложнейшая логистика.

Я откинулась на спинку стула, поднеся к губам чашку с отваром. Напиток отдавал мятой и хвоей.

Моя «практика» ширилась с пугающей скоростью. Еще вчера я боялась, что меня пустят на фарш к свадебному торту. Сегодня у меня есть бумага с золотой печатью и трое исцеленных пациентов, влияющих на безопасность всего замка. Выживание перестало быть вопросом слепой удачи. Оно стало зависеть исключительно от моих профессиональных навыков.

Я перелистнула страницу блокнота. Чистый лист.

Постепенно этот кусок земной кожи и целлюлозы превращался из дневника сумасшедшего в настоящую картотеку. В досье. Каждый диагноз, каждая слабость, каждый невроз обитателей замка оседал здесь грифельными строчками.

Я подошла к массивной двери, приоткрыв край тяжелой деревянной створки.

Сквозь коридорный витраж замок Амарант купался в лучах дневного солнца. Острые шпили башен вонзались в безоблачное небо. По внутреннему двору сновали крошечные фигурки слуг и стражи. Снаружи все выглядело величественным, незыблемым оплотом древней силы.

Но я уже знала правду. Этот монолит держался на соплях и подавленных истериках.

Где-то там, на верхних ярусах, к которым я теперь имела доступ, находились главные катализаторы напряжения. Местная невеста. Человеческий жених. И сам хозяин замка — дракон, чья аура накрывала это место удушливым куполом контроля.

Завтра сюда прибудет человеческая делегация. И тогда местный невроз столкнется с человеческой интригой.

Я отпустила дверную ручку. Тень снова затопила комнату.

Пора привести в порядок костюм. Мой рабочий день в Этерии только начинался.

Глава 6. Синдром самозванца в сияющих доспехах

Мозг настойчиво требовал тишины. Базовой сенсорной депривации, чтобы переварить матрицу дварфа, ожившие лозы троллихи и свиток с золотой печатью, который теперь жег карман пиджака своей нереальностью. Слишком много событий для одной нервной системы. Мне срочно нужно было место, где никто не кричит, не требует решений и не грозит сжечь мир из-за неправильно сложенных салфеток.

Погреб замка Амарант подходил идеально.

Тусклые магические рожки здесь горели вполсилы, едва разгоняя плотный мрак. Их холодное синеватое сияние хватывало из темноты бесконечные ряды пузатых бутылок, покрытых густой серой паутиной. Огромные бочки, стянутые ржавыми железными обручами, высились вдоль стен монументальными колоссами. Под подошвами туфель тихо похрустывал мелкий гравий.

Тишина. Благословенная, густая тишина подземелья.

Я прикрыла глаза, прислонившись плечом к шершавой кирпичной опоре. Глубокий вдох. Выдох. Пульс начал замедляться.

Лязг.

Звук разорвал тишину так резко, что я вздрогнула. Металл ударился о камень. Затем последовало тяжелое, прерывистое дыхание — хриплое, с присвистом, словно кому-то не хватало кислорода. Бульканье жидкости. Тихий стон.

Напряжение в теле чуть отступило.

Я отлепилась от колонны. Шагнула в узкий проход между стеллажами, ориентируясь на звук. Запах винного перегара здесь стал почти осязаемым — резким, кислым, перебивающим благородный аромат старых бочек.

В дальнем тупике, забросанном трухой и поломанными ящиками, сидел человек.

Первым, что бросилось в глаза, был чужеродный для этого подвала блеск его парадных лат, отражающих синий свет газовых рожков. Но теперь этот панцирь был безнадежно испорчен.

Доспехи были расстегнуты, кожаные ремни безвольно свисали на усыпанный гравием пол. Роскошный шлем с плюмажем валялся в стороне, наполовину заваленный соломой.

Молодой мужчина сидел, привалившись спиной к огромной бочке. Светлые волосы спутались и прилипли к взмокнутому лбу. Лицо, которое на портретах наверняка выглядело бы безупречно аристократичным, сейчас покраснело и обрюзгло. Под глазами залегли глубокие тени.

Он поднял на меня воспаленные глаза.

Я замерла в пяти шагах, сливаясь с тенью стеллажа.

Весь облик рыцаря казался фальшивым. Герой. Жених. Тот самый спаситель человечества, ради которого затевался весь этот межвидовой дипломатический кошмар наверху. Сейчас он напоминал выброшенную на берег рыбу, закованную в консервную банку.

Он попытался поднести бутылку к губам. Рука в тяжелой латной перчатке дрогнула. Рубиновая жидкость плеснула мимо рта, заливая подбородок и оставляя на сияющем нагруднике липкие, похожие на свежую кровь потеки.

Мужчина грязно выругался. Голос сорвался на жалкий,

плачущий звук.

* * *

Я сделала шаг.

Гравий предательски скрипнул. Звук ударил по сводам погребя.

Светлая голова резко вскинулась. Затуманенные алкоголем глаза дико заметались по теням, пытаясь сфокусироваться на моем силуэте. Паника исказила его черты.

Он рванулся вверх. Инстинкт воина сработал быстрее рассудка, но тело, залитое вином и отягощенное десятками фунтов стали, отказалось подчиняться. Массивные поножи с грохотом ударились друг о друга. Колено подогнулось. Центр тяжести сместился, и блистательный рыцарь рухнул обратно, больно ударившись плечом о край перевернутого деревянного ящика.

Бутылка выскользнула из ослабевших пальцев. Стекло брызнуло во все стороны. Темная лужа стремительно поползла по земляному полу, впитываясь в пыль.

Я вышла из тени на свет синего рожка.

Руки опущены. Ладони раскрыты и повернуты к нему. Классическая поза абсолютной неагрессии. Движения плавные, выверенные, чтобы не спровоцировать резкой реакции.

— Не подходи!

Он вжался спиной в дубовую бочку. Правая рука судорожно зашарила по поясу в поисках меча, которого там не было — ножны остались лежать где-то у входа в тупик.

Взгляд рыцаря наконец сфокусировался на моем лице. Узнавание проступило сквозь пьяную пелену медленно, тяжелыми толчками.

— Ты... — он сглотнул вязкую слюну. — Я видел тебя во дворе. Странная женщина в мужском платье. Консультант. Знахарка.

Его грудь судорожно вздымалась. Металл нагрудника скрежетал при каждом вдохе.

Внезапно страх на его лице сменился злой, отчаянной гримасой. Он запрокинул голову и неестественно громко рассмеялся. Смех гулким эхом заметался между винными стеллажами, ударяясь о каменные своды. Звук был сухим,

ломким. Он смеялся так долго, что спазм перешел в удушливый кашель.

— Мой отец... — Бенедикт вытер рот тыльной стороной грязной латной перчатки. — Герцог Валериус не знает границ. Подослать шпионку даже сюда. Следить за мной. Проверять, не опозорю ли я его драгоценный союз. Скажи ему, что я пьян! Скажи, что герой сломался, не дойдя до алтаря!

Слова вылетали вместе с брызгами слюны. Он ждал реакции. Оправданий. Споров. Встречной агрессии, о которую можно было бы разбить свое напряжение.

Я молчала.

Обошла осколки разбитой бутылки. Придвинула к себе пустой, пахнущий забродившим суслом бочонок и медленно села. Прямо напротив него. На расстоянии вытянутой руки. Расстояние безопасности, но уже в зоне личного контакта.

Мой взгляд скользнул по его фигуре. Каждая дрогнувшая мышца лица выдавала предельное истощение. Нижняя губа мелко, безостановочно подрагивала. Пальцы скребли по деревянному настилу, сдирая щепки. Глаза постоянно уходили в сторону, избегая прямого контакта.

— Твой отец прислал шпионку, — ровно произнесла я. Интонация была мягкой, обволакивающей. Без вопросительного знака на конце. Просто констатация его реальности.

Бенедикт осекся. Воздух застрял у него в горле. Он моргнул, сбитый с толку отсутствием сопротивления.

— Он всегда так делает, — пробормотал он, градус ярости резко упал, сменившись растерянностью. — У него везде глаза. В Валарии шагу нельзя ступить, чтобы писари не занесли это в реестр.

— Шагу нельзя ступить.

Я продолжала держать паузу. Техника эхо-реакции. Никаких советов. Никаких оценок. Просто возвращение его собственных слов, создающее эффект абсолютно безопасного пространства. Зеркало, в котором нет осуждения.

Рыцарь ссутулился. Тяжелый панцирь вдавил его в пол. Вся искусственная злость, выстроенная для защиты, вытекла из него так же быстро, как вино из разбитой бутылки.

Осталась только бесконечная, сосущая апатия.

— Нет никакой шпионки, — тихо сказал он, уставившись

на свои измазанные грязью сапоги. — Ты просто проходила мимо. А я просто жалкий трус, который прячется в подвале от собственной свадьбы.

Он закрыл лицо руками. Металл перчаток глухо лязгнул о металл наручей.

* * *

В подвале повисла тяжелая, давящая тишина. Только редкие капли конденсата срывались с кирпичного свода и разбивались о камень.

Я не торопила его. Когда фасад срывает под давлением алкоголя и стресса, обнажается ядро. Добраться до него сейчас было вопросом жизни и смерти — не только для его психики, но и для всей расшатанной дипломатии этого мира.

— Мантикора, — звук донесся сквозь сжатые пальцы. Глухой. Задушенный. — Великий подвиг Сэра Бенедикта. Ты слышала баллады?

— Слышала, — я кивнула, хотя он этого не видел.

Он медленно опустил руки. В тусклом синем свете его лицо казалось высеченным из серого мела.

— Она была мертва.

Слова повисли во влажном воздухе.

Я не шелохнулась. Ни один мускул на лице не дрогнул.

— Мы шли через Северный перевал, — голос Бенедикта стал монотонным, лишенным красок, словно он читал заученный текст приговора самому себе. — Мой отряд. Пятьдесят наемников отца. Мы искали логово. В балладах поется, что чудовище вышло мне навстречу, изрыгая яд и разрывая скалы когтями. Что мы бились три дня и три ночи.

Он усмехнулся. Кривой, уродливой гримасой.

— Она лежала на камнях. Старая. Слепая самка. Шерсть вылезла кусками, зубы сгнили. Она умерла от старости за два дня до того, как мы туда добрались. Запах гниения стоял на всю долину. Наемники выкурили пещеру травами, чтобы я мог войти.

Его затрясло. Пальцы вцепились в края кожаных ремней с такой силой, что костяшки побелели.

— Я просто подошел к труп. Поднял меч. И отрубил ей

голову. Мухи. Там были мухи. Кровь даже не брызнула, она уже свернулась в черную слизь.

Я смотрела на него, ощущая профессиональный холодок вдоль позвоночника. Карточный домик. Великий альянс двух государств, судьба тысяч существ строилась на фундаменте из протухшей лжи и купленного пиара. Отец просто проплатил глашатаям. Придворный бард написал красивый текст. Толпа поверила.

Дракон отдал дочь за миф.

Синдром самозванца в самой терминальной его стадии. Бенедикт не просто боялся, что его разоблачат. Он физически ненавидел свой образ. Каждая отполированная чешуйка на его броне была доказательством его ничтожества.

БУМ.

Оглушительный грохот грянул прямо над нашими головами. Каменные своды погреба завибрировали. С потолка посыпалась мелкая кирпичная крошка, засыпая волосы и плечи.

Бенедикт сжался в комок. Физически крепкий мужчина инстинктивно втянул голову в плечи и закрылся руками,

словно ожидая удара хлыстом.

Грохот сменился приглушенной руганью. Где-то там, в обеденном зале верхнего яруса, кто-то из людей Герцога, вероятно, снова размахивал руками, описывая выдуманные сражения, и снес тяжелый бронзовый подсвечник. Случайность.

Но для рыцаря, сидящего в луже вина, этот звук стал насмешкой небес.

— Я боюсь всего, — прошептал он, не опуская рук от головы. Пыль оседала на его золотом панцире. — Громкого звука. Взгляда Аркса. Клыков этой дикой девчонки, которую они называют моей невестой. Я не герой.

Он поднял на меня воспаленные глаза.

— Знаешь, чего я хотел на самом деле? До того, как отец всучил мне этот проклятый меч?

Я чуть склонила голову.

— Роз, — выдохнул он. И в этом единственном слове внезапно прозвучало столько спрятанной нежности, что контраст резанул по нервам.

Напряжение в его плечах начало спадать. Лицо, искаженное неврозом, разгладилось.

— В поместье матери, на южных террасах. Я вывел сорт. Скрестил дикий шиповник с белой валарианской розой.

Его голос изменился. Пропал плачущий надрыв. Появилась глубина, фокус. Мужчина перед мной впервые заговорил о том, что было по-настоящему его собственным.

— Лунная Амаранта. Я так ее назвал. Лепестки не белые. Они цвета бледного серебра. И на краях — едва заметная фиолетовая кайма. Стебли толстые, без единого шипа. Ей нужна особая почва. Смесь торфа и толченого известняка. Я проводил в оранжереях дни напролет. Смотрел, как набухают бутоны. Мои руки...

Он вытянул перед собой ладони в бронированных перчатках, словно видел не сталь, а въевшуюся в поры землю.

— Они умеют растить жизнь. А отец заставил их рубить мертвечину.

* * *

Я сбросила остатки оцепенения.

Я подалась вперед. Локти уперлись в колени, взгляд зафиксировался прямо на его зрачках. Никаких отвлечений. Якорение внимания.

— Доспехи тяжелые, Бенедикт, — голос зазвучал тверже. Металл в бархате. — Сколько они весят?

Он непонимающе моргнул. Переход от исповеди к бытовому вопросу выбил его из колеи страдания.

— Около семидесяти фунтов.

— Семьдесят фунтов чужого ожидания, — я указала карандашом на блестящий нагрудник. — Ты носишь их круглосуточно. Ты спишь в них. Ты пьешь в них. Ты сросся с ними.

Рыцарь опустил взгляд на свою грудь, словно впервые увидел сталь.

— Разделение «Я» и «Роли», — я произнесла это четко, впечатывая слова в его сознание. — Это не ты. Это униформа. Сценический костюм. Навязанный сценарий Герцога Валериуса. Ты — тот, кто растит Лунную Амаранту. Герой,

убивший мантикору — это вывеска, которую на тебя повесили.

— Но все смотрят на вывеску! — горько воскликнул он.
— Дракон ждет великого воина. Если он узнает правду... он сожжет меня заживо. И весь мой отряд заодно.

— Дракону нужен договор на рудники — я видела сметы Торина, там всё завязано на экономике, — прагматично отрезала я. — И гарантия, что его дочь не убьют в чужой стране. Твои подвиги — политический инструмент, а не мерило твоей ценности.

Я встала с бочонка. Подошла вплотную. Носки моих туфель почти коснулись его бронированных сапог.

— Первый шаг к свободе, Бенедикт — это признание факта. Твоя слабость — это не позор. Это просто данность. Ты не воин. И это нормально. Перестань ненавидеть себя за то, что ты не соответствуешь чужой лжи.

Он смотрел на меня снизу вверх. Губы приоткрыты. В глазах плескалась дикая смесь недоверия и отчаянной, жалкой надежды. Кто-то впервые в его жизни разрешил ему не быть сильным. Разрешил ему быть обычным.

— Сними их, — тихо сказала я, кивнув на ремни кирасы.
— Хотя бы здесь. В темноте. Дыши без них.

Я не стала дожидаться ответа. Развернулась и зашагала прочь по скрипучему гравияю. Терапия работает в паузах. Мозгу нужно время, чтобы переварить инсайт. Если остаться — он начнет задавать вопросы, искать одобрения, перекидывать ответственность. Он должен остаться один на один со своей серебряной розой и мертвой мантикорой.

Тень от стеллажа проглотила меня. Я не оглядывалась.

За спиной раздался тихий щелчок металлической застёжки. Звон упавшего на камни тяжелого нагрудника. За ним второго.

Я сделала именно то, что требовалось.

Я дошла до основания винтовой лестницы. Положила ладонь на холодные, скользкие от влаги перила.

И тут меня накрыло.

Дыхание перехватило, будто из погреба разом выкачали весь кислород.

Я остановилась. Пальцы правой руки до хруста в суставах вцепились в обложку кожаного блокнота в кармане пиджака. Я прижалась спиной к ледяному камню стены, чувствуя, как мелко, предательски дрожат колени.

Бенедикт фальшивка.

А кто я?

Паника ударила в виски. Я только что препарировала его ложь, читала лекции о принятии себя. Строила из себя великого эксперта, мудреца, повелевающего душами бессмертных.

Карточный домик.

Я — питерский психолог с дипломом, который в этом мире не стоит даже того пергамента, на котором местный повар пишет рецепты. У меня нет магии. У меня нет защиты крови. Моя «суперсила» — это набор терминов из учебников, помноженный на отчаяние и умение держать лицо при плохой игре.

Я точно такой же рыцарь в фальшивых доспехах.

Что будет, когда Лорд Аркс — древний, пропитанный первобытной магией ящер — поймет это? Что будет, когда Торин осознает, что матрица Эйзенхауэра — это просто крестик на бумаге, а не древнее заклинание порядка? Когда Ильва поймет, что я не проводила потоки маны, а просто использовала базовую технику сублимации?

Они не просто разочаруются. В этом мире за обман втираются в порошок. За фальшь скармливают монстрам. Если моя маска «консультанта по тонким материям» треснет, ме-

ня смахнут с доски, как досадную пылинку.

Дыхание стало рваным, грудную клетку сдавило так, что стало больно вдыхать. Воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы.

Я зажмурилась. Прижала ледяные ладони к горящим щекам.

«Разделение Я и Роли».

Мой собственный совет ударил рикошетом.

Нет. Не сейчас. Нельзя позволить страху парализовать систему. Здесь нет места рефлексии. Мои доспехи — это уверенность. Если я верю в то, что делаю, это перестает быть ложью. Местная магия бессильна перед ментальными травмами, которые в этом мире, где эмоции материализуются, буквально искажают реальность. Психотерапия здесь работает, потому что они в нее верят. Магия слов реальна, пока она приносит результат.

Я с силой провела ладонями по лицу, стирая липкую испарину. Расправила плечи, поправив измятые лацканы пиджака. Пальцы еще слегка дрожали, когда я вытащила блокнот из кармана.

Щелчок обложки. Карандаш скользнул по бумаге. Строчки ложились неровно, но твердо.

«Инцидент №4. Сэр Бенедикт. Острый синдром самозванца, отягощенный алкогольной депрессией. Корень: подавление истинной идентичности родительской фигурой. Прогноз: благоприятный при снижении внешнего давления».

Я захлопнула досье.

Фальшивка или нет, но я доиграю эту партию до конца. Моя практика работает.

Туфли ступили на первую каменную ступень, унося меня из мрака погреба обратно в эпицентр хаоса. В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.